

УДК 82.09:801.73

DOI: 10.26456/vtfilol/2020.3.026

ЛИТЕРАТУРНАЯ УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ: ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ, АСПЕКТЫ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

¹В. В. Волков, ²Н. В. Волкова

Тверской государственный университет

¹кафедра русского языка

²кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества

Цель данной работы – уточнить жанровую специфику британских и российских литературных антиутопий. В центре внимания авторов, с одной стороны, жанрово-теоретический анализ утопий, с другой стороны, анализ содержания и структуры базового дуального концепта «Время: настоящее – возможное будущее» и концептов, смежных с ним. Ключевые концепты интерпретируются по процедурам, используемым в филологической герменевтике. В результате исследования выявлены отличительные особенности британских и российских антиутопий. Аксиологическое основание «британской» дистопии – стабильность и упрощенность, что каузирует застылость в рамках линейного времени. «Российская» дистопия в романе Ефремова основывается на идеях коммунизма, которые оказалось невозможным реализовать. Рассказ Чехова «Пари» строится в традициях «духовного реализма», центрирует внимание на соотношении секулярного и религиозного путей к «совершенному человеку».

Ключевые слова: теория литературы, жанр, возможное будущее, утопия, литературная антиутопия, притча, концепт «Время», фантастическое.

Введение

В современную эпоху – период Постмодерна – реальное и виртуальное, правда (достоверная информация) и вымысел (произвольные истолкования, «двойные стандарты», «фейки» и т. п.) перемешиваются самым причудливым образом. Вопрос о том, где истина (в огромном массиве разноречивых данных) и как ее найти, обретает всевозрастающую актуальность. Общая формулировка этой вечной проблемы – правда и ложь, их различение и разграничение – применительно к художественной литературе формулируется как **вопрос о достоверности** ее содержания. Утопия и антиутопия, по самой своей природе совмещающие достоверное и вымышленное, – благодатный материал, работа с которым может представлять не только академический, но и конкретно-практический (например, политологический) интерес.

Особый интерес читателей и исследователей к научной фантастике, утопической и антиутопической художественной литературе, думается, обусловлен не столько причудливостью авторской фантазии, сколько подпитывающимся повседневным опытом читателя ощущением жутковатой реальности. Метко и точно эту мысль выразила И.В. Головачева, специалист по теории и истории фантастики, выделив ключевую формулировку полужирным шрифтом: «...**многие художественные или культурные утопии либо осуществимы в теории – пусть даже в далеком будущем, либо являются уже осуществленными на практике проектами.** Но стоит ли называть их *фантастическими*? Даже если мы вслед за составителями энциклопедий поместим утопию в *область фантастики*, то все равно не сможем отмахнуться от того факта, что в фантастике такого типа **не обнаруживается фантастическое**» [4, с. 258].

Утопии и антиутопии (дистопии) – это, с одной стороны, виртуальные проекции в будущее позитивных / негативных тенденций настоящего, с другой стороны, попытки осуществить в реальной социально-исторической практике «сладкие грёзы о будущем». Утопии / антиутопии в их взаимопревращениях – непреходящий компонент движения общества во времени, в рамках которого утопические проекты обычно предстают как антиутопическая реальность. Это соотношение «идея / мечта – реализация», «модель развития – социально-историческая реальность». Как соотносится содержание художественных утопий / антиутопий с социально-исторической динамикой? Ответ на этот вопрос значим не только для филологии, но и для самых разных областей гуманитарного знания и практики, поскольку дает дополнительные возможности критической оценки результатов социального проектирования.

Утопия и антиутопия: вопрос о жанровой специфике

Авторы данной работы, основываясь на методах филологической герменевтики, центрируются на тех особенностях литературных утопий и антиутопий, которые составляют их семиотическое ядро. Исследование строится в двух аспектах: 1) жанрово-теоретический анализ литературных утопий / антиутопий как особого вида словесности; 2) анализ центрального для произведений такого рода дуального концепта «Время: настоящее – возможное будущее» в его взаимосвязи со смежными концептуальными структурами («Бытие», «Личность», «Язык» и др.).

Конкретный материал исследования – четыре разноплановые литературные антиутопии, три из которых, а именно: роман О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932), роман Дж. Оруэлла «1984» (1949), роман И.А. Ефремова «Час быка» (1970) – составляют признанную классику мировой литературной антиутопии, четвертое произведение, рассказ А.П. Чехова «Пари» (1889), предлагается к рассмотрению в контексте

«исследования об антиутопиях» в качестве филологической и культурологической новации.

Лексема *утопия* как энантиосемант. Изобретенное Томасом Мором сущ. *утопия* как название острова (*Утопия*) и одноименного государства с условно идеальным социально-политическим устройством сложено из др.-гр. *οὐ* 'не, нет' + *topos* 'страна, местность'; букв. «страна, которой нет», нечто «вне места», «внеместное». Налицо противоречие в семантической структуре: 1) денотативно-референциальная отсылка – пусть к фантастической, но «как будто» реально существующей (по крайней мере, виртуально, «в проекте») стране; 2) в явствующем из внутренней формы сигнификате налицо утверждение – через отрицание – несуществования такой страны, нереальности, несбыточности проекта. Возможная лингвистическая квалификация: денотативно-сигнификатная энантиосемия *утопии* – как разновидность «совмещения противоположного» в пределах одной лексемы (*да и нет, есть и не существует*).

Оборотничество («перевёртыши»). Отечественный философ В. В. Библихин (1938–2004), исследуя закономерности взаимодействия человеческого сознания с миром, вслед за Шопенгауэром обратил внимание на то, что скрытые в мире противоположности раскрываются для человека неожиданно – и осознаются как свершившееся перевертывание самого мира: «Оборотничество <...> случается с миром раньше, чем мы успеваем проследить; мы уже только задним числом замечаем, что мир обернулся, не успеваем дать определение происшедшему» [2, с. 62]. Писательское «антиутопическое» *предвидение* ('проницание мыслью наперёд': *про-вѣдение* и *про-вѣдение*) будущего в рассматриваемых произведениях предупреждает нас – взывает к нам, живущим через десятки лет после их написания: оглянитесь и усмотрите, ваш мир уже «перевернулся» («обернулся»), а вы не успели проследить, как это происходило / произошло.

Содержание и структура. *Утопии* и *антиутопии* – о виртуальном государстве / обществе не только в его целостности, но и об отдельных компонентах, из которых оно строится и которые порождает. И целое, и его компоненты – энантиосемичные «перевёртыши», которые во всех своих составляющих – в образном строе, сюжете, конкретных деталях и словоупотреблениях и т. д. – структурно центрируются на «переворачивании модальностей»: источники властных отношений вроде бы «где-то есть» и в то же время вне осязаемости; труд то ли целесообразен, то ли бессмыслен; искусство служит то ли «ублагораживанию», то ли «освинячиванию»; знание и образование вроде служат просвещению, на деле – погружению в сумрак бессознательных первичных побуждений.

Семантика словообразовательной внутренней формы лексемы *утопия*: утверждение через отрицание. Попытка буквального истолкования *утопии*: «несуществующее существующее» или «существующее

несуществующее», то ли о виртуально реальном, то ли о заведомо нереальном идеале, – то ли об оборотной стороне реальных государств, то ли о сугубо мозговой конструкции – фантазийном государстве вне пространства и времени, – как бы «ухрония» или «ахрония», нечто «без времени». «Отрицательное понятие», через *не / нет*, – в котором отображается «отсутствие в предмете того или иного качества» [8, с. 425], – не бессодержательно. «Положительное» содержание определяется контекстом, в котором отрицаемому полагается нечто утверждаемое. Применительно к *утопии* как к чему-то «внеместному», «без места» контекст задается пространственно-временным фреймом: от «здесь и сейчас (известное)» – к «где-то потом (возможное)».

Приставка *анти-* провоцирует представление о векторной антонимии, о «противонаправленности» *антиутопии* по отношению к *утопии*, будто бы *анти-утопия* «отменяет» *у-топию*, делая «всё вопреки и наоборот». Однако видимая словообразовательная мотивированность в данном случае не ведет автоматически к семантической выводимости. Налицо семантическое смещение: не «наоборот», а «доведение до края / до абсурда» – **современных тенденций развития** – позитивных либо негативных, то есть **«оборотничество» по отношению к ситуации настоящего** в том *topos 'e* – «месте» настоящего, которое выступает как подразумеваемая, пресуппозитивная «точка отсчета» – равно в утопии и антиутопии. Возможные миры утопии и антиутопии строятся по разному отношению к положению дел в настоящем. *Антиутопия* имеет содержание на фоне не *утопии*, а другого, чем у *утопии*, отношения к реальному положению дел в настоящем. *Утопия* – позитивная проекция от настоящего к будущему, *антиутопия* – негативная. Говоря обобщенно-схематично, в результате развития настоящего можем получить: *утопия* = «то хорошее, что может быть где-то и когда-то», *антиутопия* = «то плохое, что может быть где-то и когда-то». Словообразовательная история сущ. *антиутопия* вводит в семантическое заблуждение: по сути дела, *антиутопия* не «противонаправленность» *утопии*, а однословное утверждение, что никакой утопии как «возможной реальности» не может существовать вообще, что утопия – абсолютный симулякр, не имеющий ни малейшего отношения к реальности, в том числе к реальности виртуальной.

Время. Антиутопии рождаются на базе линейных представлений о времени: от прошлого – через настоящее – к будущему, в сочетании со скептическим отношением к идее бесконечного линейного «прогресса» как одного из краеугольных камней западной цивилизации начиная с эпохи Просвещения – до наших дней. Если в основе утопий – оптимистический прогноз, то в основе антиутопий – пессимистическое видение будущего в его евроцентрической и шире – «западоцентрической» проекциях.

Настоящее осмысляется в зеркале возможного будущего. Как соотносятся художественные конструкции возможного завтра с реальностью настоящего? Просматриваются ли в сегодня те ростки завтрашнего дня, которые в проекциях возможного будущего предстают в виде зреющего плода? По убеждению авторов данной статьи – просматриваются, а значит, антиутопия существует – в реальности наблюдаемых в настоящем ее зачатков, и рассматриваемые антиутопии – литературно-художественные презентации вариантов их дальнейшего развития.

Вопрос о типологии: линейное время и его преодоление. В пределах очерченной понятийной рамки рассматриваемые антиутопии и рассказ Чехова целесообразно объединить попарно под условными характеристиками «британские» – «русские». Основание противопоставления – не «географическое», а ментально-цивилизационное. Фундаментальная оппозиция Запада и России как особых цивилизаций – практицизм западного менталитета vs тяга к трансцендентному, горнему как фундаментальная черта русского национального характера. В иной огласовке: для физического существования нужно *иметь*, для духовного – *быть*, в предельном обобщении: существование vs бытие. Существование – длится (во времени), бытие – пребывает (в вечности). По отношению ко времени – линейному либо нелинейному – два типа утопий / антиутопий.

«Британский» вариант будущего: стабильность существования как тупик – застылость в рамках линейного времени

Доминантная сверхценность, лежащая в основании художественного мира и романа О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932), и романа Дж. Оруэлла «1984» (1949), провозглашенная и реализованная властью и принятая жителями, – это *стабильность*, открыто-декларативно прокламируемая в «О дивном новом мире» в первом же, инициальном абзаце: «...на геральдическом щите – девиз Мирового Государства: “ОБЩНОСТЬ, ОДИНАКОВОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ”» [13, с. 306]. Конкретно-практическая связь этих базовых принципов организации: а) общность и одинаковость (граждан) → результат: стабильность; б) стабильность ← необходимые условия: общность и одинаковость. В любом случае стабильность – главное.

Что понимать под стабильностью? Лексический сигнификат очевиден. Как явствует из этимона (лат. *stabilis* ‘твердо стоящий на ногах; постоянный, неизменный’ – от *stare* ‘стоять; длиться, продолжаться’), *стабильный* – «устойчивый, утвердившийся на определенном уровне, постоянный», *стабильность* – «свойство стабильного».

В референциальной плоскости «дивного мира»: из чего складываются и чем обеспечиваются *общность* и *одинаковость* – неперенные

условия стабильности как устойчивости, прочности, неизменности? Из одинаковых мыслей и чувств, поступков и потребностей. Всё, что выводит человека за пределы *общности* и *одинаковости*, – должно быть профилактически исключено. Поскольку поступку выхода предшествует мысль, то инакомыслие – семя потенциальных протестов и бунтов, забастовок и заговоров, любых изменений – следует искоренить в самой его возможности. Тогда наступит окончательный и неизменный миропорядок, время прекратит свое течение, поскольку оно существует, только пока есть изменения, оно – в изменениях.

В романе Оруэлла инакомыслие как тот корень, из которого произрастают все прочие угрозы стабильности, нашло афористически точное и яркое именование, обретшее статус однословного прецедентного текста: «...абсолютное преступление, содержащее в себе все остальные. Мыслепреступление – вот как оно называлось» [15, с. 20]. *Мыслепреступление* – не значит только буквально ‘преступать границы дозволенного в мыслях’, но и вообще «думать самостоятельно», точнее – «думать о чем-либо за пределами разрешенного, декларированного властью».

Центральные мотивы двух романов, нашедшие предельно краткие, однословные формулировки, – *стабильность* + *мыслепреступление*, – образуют точную «формулу тоталитаризма» – не как формы правления / государственного устройства (хотя и об этих аспектах жизнеустройства эта формула тоже), но прежде всего как образа жизни «простого человека», обывателя.

Кто он, «человек массы», «общий» и «одинаковый», как основа стабильности «дивного нового мира»? Практически одновременно с О. Хаксли испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в снискавшей мировое признание книге «Восстание масс» (1930) охарактеризовал его кратко и точно: «...всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [14, с. 7–8]. Терминологизированное сжатое именование – *тоталитарный тип личности*, с одинаковой – как у всех – и крайне примитивной системой ценностей. Вполне удовлетворенный жизнью потребитель витальных благ (содержание жизни: реализованная установка на потребление витальных благ + развлечения). В когнитивном отношении – непонимание, что у этой системы ценностей есть границы, за которыми огромное «другое».

Две стороны: 1) личностные условия стабильности: предельное упрощение сознания / личности, откуда – искренняя вера, что «все правильно», и фанатичная верность режиму (начиная с детей, у Оруэлла – увлеченно шпионящих за всеми подозрительными, в сладострастной готовности «заложить» даже своих родителей); 2) властные условия: удовлетворение необходимых витальных потребностей + организация

простеньких, но щекочущих нервы развлечений. Древний и, видимо, вечный принцип: «хлеба и зрелищ» – на новый лад, в соответствии с возможностями времени.

Центральные ценностные идеологемы (аксиологемы), на которых крепится мир, сконструированный Оруэллом, в тексте романа формулируются в утверждениях отождествления, лейтмотивом повторяются: **«Война – это мир», «Свобода – это рабство», «Незнание – сила»**. Синонимизированы – до полного отождествления – антонимичные понятия. Результат – «аксиологические перевёртыши»: отождествление противоположного «обнуляет» позитивные коннотации существительных *мир, свобода, знание*, в противовес максимизирует значимость риторически выдвигаемых *война, рабство, незнание* как новых непреложных ценностей. Зададим вопросы о фундаменте, на котором держится весомость прокламируемых «ценностей».

1. Вопрос об обосновании и убедительности. Какое внутреннее обоснование несут в себе эти формулировки? В чем убедительность / сила внушения, которые несомненно есть и которые неявно (возможно, и осмысленно) принимаются жителями антиутопического Лондона – «главного города Взлетной полосы I, третьей по населению провинции государства Океания» [15, с. 5]?

2. Вопрос о типе личности, признающей и принимающей прокламируемые «ценности». Не всякий человек, если вдруг задумается, сможет принять идеологемы хакслианского «дивного нового мира», условно привязанного Оруэллом к дате «1984», не для всех они убедительны, не на всех действуют с необоримой силой внушения. Почему жители антиутопического Лондона принимают эти формулировки? Общий ответ: из принятия следует, что критическое мышление либо отключено неким внешним воздействием, либо не включается в силу отсутствия стимулов и сил для его использования, либо то и другое вместе.

1. Вопрос об обосновании и убедительности.

Две проекции этого вопроса: объектная (существо воздействия на реципиентов) и субъектная (возможная логика авторов / коммуникаторов).

Объектная проекция. Логических или фактических оснований нет. Реальная задача – не обосновать и убедить, а внушить равнозначность несовместимого, вогнать реципиентов в когнитивный диссонанс и ступор. Средство – риторически жесткая десемантизация, снимающая аксиологическую весомость слов *мир, свобода, знание*, обесмысливающая парадоксальными, якобы «креативными» трактовками: *Свобода – это рабство* и т. д.

Субъектная проекция. Думается, можно найти такую «точку взгляда», которая позволяет увидеть продуктивность и глубокую – на «антиутопический» лад «перевернутого мира» – справедливость этих лозунгов.

Свобода и рабство. Действительно, в экономическом и политическом отношении раб – абсолютно свободен: от необходимости бороться за существование (ему дают жилье, кормят, защищают), от необходимости выбора (все решения принимает хозяин), от планов, мечтаний, фантазий (они избыточны) и т. д. Не нужно ни о чем думать, ни о ком заботиться. Разве это не свобода?

В незнании – сила? Совершенно верно. К примеру, некто утверждает, что не знает, есть Бог или нет, и более того – что его этот вопрос совершенно не интересует. «Сдвинуть» такого агностика с занятой позиции невозможно, – она несокрушима.

И мир без войны невозможен. Мир нужно завоевать. Лишь одолев всех противников, можно оказаться в прочном мире. Поэтому нужно биться, воевать – ради мира, за мир. А если врагов нет, их нужно найти или придумать.

Очень узнаваемая – по нынешней реальности – получается «точка взгляда» власть имущих и их соработников – авторов / коммуникаторов цитированных аксиологом. Подлинно пророческими в фундаментальных чертах оказываются рассматриваемые антиутопии. Именно по пути извращения доминантных ценностей, «аксиологического оборотничества» идет современная западная цивилизация, ср. типовые энантиосемичные актуализации: «свобода» повседневности – потакать произволу греховных витальных влечений; «красота» – иссушающая эпатажность; нести политическую «свободу» и «демократию» другим народам – значит разрушать привычную им жизнь, подчинять своим интересам, а в случае неповиновения или просто чтобы «место освободилось», – уничтожать и т. д.

2. Вопрос о типе личности. «Общность» или принудительная одинаковость?

Общее для обеих антиутопий: *симплифицированный и унифицированный потребитель* как идеал «гражданина» (или, вернее, – жителя, обитателя, работника?) «Дивного нового мира» и неперемное условие социальной стабильности. Именно *потребитель*, что в корне отличает хаксли-оруэлловскую «британскую» модель тоталитарного будущего от ушедшей в прошлое советской модели, от того человеческого типа, который известен как «хомо советикус». «Советикус» – отнюдь не потребитель, это человек аскетической природы, которая частично от особенностей русского / российского / советского менталитета, частично – от прокоммунистических установок на умеренность.

Сущ. *симплификация* – из лат. *simplex* ‘простой’ и *facere* ‘делать’, буквально – «упрощение», чаще всего – чрезмерное, недопустимое упрощение, основывающееся на отбрасывании того, что не вписывается в ожидаемое решение. *Симплификация личности* – это упрощение, примитивизация личности (ее потребностей, эмоций, круга интересов, спо-

собности к размышлению и т. д.). Тоталитарно «полезные» следствия – управляемость, а следовательно, искомая социальная стабильность.

В предисловии 1946 года О. Хаксли писал: «Пусть тех, кто управляет Дивным новым миром, и нельзя назвать разумными (в абсолютном, так сказать, смысле этого слова); но они не безумцы, и цель их – не анархия, а социальная стабильность. Именно для того, чтобы достичь стабильности, и осуществляют они научными средствами последнюю, внутриличностную, поистине революционную революцию» [13, с. 300–301]. Существо «революционной революции» во внутриличностном измерении, говоря прямолинейно, – *дебилизация* населения, то есть массовое насаждение глупости, неспособности самостоятельно думать. Дебилизация – и в осознаваемых мыслях и потребностях, и в глубинном бессознательном, в потаенных движениях мертвеющей души.

«Российский» вариант будущего: устремленность к бытию за пределы линейного времени

Роман И. А. Ефремова «Час быка» (1970) – произведение полифоническое, но не как многоголосие сознаний персонажей, а в смысле жанровой многогранности. С одной стороны, это *научная фантастика*, в центре внимания – проекция в будущее достижений точных и естественных наук, умопомрачительного технического развития. С другой стороны, бимодальная *социальная фантастика*, утопия и антиутопия одновременно.

Цель романа как утопии – показать реализацию коммунистического проекта, существо которого – в классическом определении коммунизма, данном К. Марксом в «Критике Готской программы» (1874): «...после того как исчезнет поработавшее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются Полным потоком, лишь тогда <...> общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» [11, с. 20]. Земные персонажи – тринадцать членов экипажа звездолета «Темное пламя» – именно таковы: с разными личностными особенностями, но с единой всех самоотверженной поглощенностью своей работой.

Коммунистическое будущее, в соответствии с традициями социалистического реализма, изображено в романе Ефремова в оптимистических тонах, которые могут восприниматься как лакировочные, однако в то время, когда роман создавался, точно отражали фиксированную в Программе КПСС задачу формирования человека нового типа – **«гармонично**

развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» [17, с. 51]. Утопический мир единой коммунистической Земли не что иное, как секулярный парафраз ветхозаветных мечтаний о Царстве Божием на земле; оппозитивный мир планеты Торманс как антиутопия, по определению Ефремова, – общество типа «инферно» (от *инфернальный* ‘адский, потусторонний’, по латинскому этимону *infernus* ‘нижний; подземный; относящийся к подземному царству’ < *inferus* ‘нижний; преисподний, относящийся к царству мертвых’ < *inferre* ‘вносить, вводить; хоронить, погребать’), над которым захлопывается «гробовая крышка полной безысходности инфернального существования под пятой абсолютной власти, вооруженной всей мощью страшного оружия <...> и не менее убийственной науки» [6, с. 106]. Это социальный аналог преисподней во главе с правителем – подобием сатаны, абсолютно авторитарным даже в пределах «Совета Четырех – верховного органа планеты Ян-Ях» [Там же, с. 76].

Поскольку антиутопия планеты Торманс типологически родственна мирам Хаксли и Оруэлла, сосредоточим внимание на двух аспектах коммунистической утопии романа, а именно: тип личности и время.

1. Вопрос о типе личности. Главная причина утопичности коммунистического проекта хорошо известна: тип личности, составляющий фундамент этой модели, «в массовых масштабах» нереализуем. В нашем советском прошлом – живое доказательство утопичности задачи создать «нового человека» на морально-идеологической основе. В изложении Ефремова ее реализация основывается, с одной стороны, на всемерном освоении научного знания, – в точности по завету Ленина на съезде комсомола в 1920 году: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [9, с. 305]); с другой стороны, на предельной рационализации витальных потребностей, когда идеал – здоровый трудовой и бытовой аскетизм.

2. Время и вопрос о трансцендировании к бытию. Необоримое препятствие для коммунистов-практиков в том, что подлинный аскет не нуждается в том числе и в человеческом «творчестве», поскольку преодолел переживания здесь-бытия как сверхценности. Его «я» уже принадлежит *другому* миру. Думается, неслучайно в романе Ефремова нет привязки к какой-либо дате, даже веку: по чередке перифрастических названий эпох можно предположить, что речь идет о чрезвычайно далеком будущем – через десятки и десятки поколений, ср.: «...вырастали новые <...> скромные и добрые люди незаметного труда, по-своему преданные высоким стремлениям. И за Эрой Разобщенного Мира наступила Эра Мирового Воссоединения, и Эра Общего Труда, и Эра Встретившихся Рук» [6, с. 167].

Секулярное трансцендирование и антиутопия.

Рассказ А. П. Чехова «Пари» (1889)

Коммунистическая утопия – за гранью измеримого, линейного времени, это утопия *трансцендирования* за пределы времени, по семантике латинского этимона: лат. *transcendere* ‘переходить, перебираться; перешагивать; опережать, превосходить’ < *trans* ‘сквозь, через’ + *scandere* ‘восходить, подниматься, взбираться’ > возноситься, возвышаться; достигать’. Налицо временной «фазовой переход» [3] в сфере социального, а именно – в сфере государственного устройства и индуцируемых этим устройством особых свойств личности. «Эра Встретившихся Рук» Ефремова – сбывшееся коммунистическое «далеко», тип личности насельника этой эры, как оказавшегося за гранью зримых дней, – *трансцендер*, в его личности «характеристика *трансцендентный* утрачивает профанный налет одиозности, обретает свой исходный смысл, основанный на актуализации сем ‘преодоление’, ‘переход’... <...> При этом современное значение *трансцендентного* (“недоступное (непосредственному) познанию, находящееся за пределами непосредственного опыта”) нивелируется: “недоступное” оказывается для трансцендера не просто в пределах досягаемости, но становится органичной частью его (не существования, но) Бытия...» [Там же, с. 77].

Трансцендирование как преобразование реализуется в секулярной и сакрально-религиозной традициях по-разному: выход за пределы самости «к людям» / «к Богу». Секулярная коммунистическая версия «к людям» – максималистская, по призыву советской песни «Раньше думай о Родине, а потом о себе» (полное самоотвержение); современный ее извод – умеренное социальное служение (например, исследователи современной английской литературы метамодернизма трактуют самотрансценденцию как «феномен посвящения себя социально значимому делу» [10, с. 146]).

Оппозиция «утопия-идеал» – «утопия-проект» [12] дает возможность характеризовать «Час быка» (художественный парафраз коммунистического проекта) как такую «утопию-проект» социального устройства, который включает в себя «утопию-идеал» коммунистически-аскетического устройства личности. Очевиден христианский исток: идеальная личность коммунистического завтра – атеистически-секулярная версия «совершенного человека в православной антропологии» [16]. В обоих случаях налицо устремленность к трансцендированию как выходу за пределы себя, поскольку в творческом акте самостановления человек-трансцендер «утверждает не самого себя, а <...> нечто большее чем индивид, т. е. сверхиндивидуальное и духовное начала» [1, с. 17]. В различии *сверхиндивидуального* и *духовного* как надличностных начал – принципиальное различие телосов, «сверхцелей» личного становления, ключ к пониманию различия трансцендирования «к людям» / «к Богу».

Духовное – трансцендентно социальному, однако оно – источник социальности. Ни трансформации социального в надежде достигнуть некоего рационалистически сконструированного идеала, ни отвержение социального не ведут к стяжанию духовного. Социальное само по себе порождает лишь душевность, и утопическая коммунистическая «духовность» в действительности не более чем высокоорганизованная душевность.

В христианской традиции совершенство – это движение по пути обожения, ревность в стяжании благодати Божией. Обожение – вне секулярных категорий «утопичность / антиутопичность», это вопрос о святости и пути к ней.

Святоотеческий опыт свидетельствует, что основной смысл святости «состоит в причастности человека Богу, его обоженности <...> в его преображении под действием благодати Божией»; «Святой открывает путь к Богу и в этом качестве выступает как заступник за людей перед Богом, как своего рода посредник между Богом к людьми» [7, с. 90, 95]. В свою очередь, обожение понимается как «основная для богословия святости концепция, согласно которой человек может проникаться Божественными энергиями и соединяться с Богом» [Там же, с. 70]. Иными словами, трансцендирование «к святости» вне Божьей помощи недостижимо.

Полемически-заостренно, с дистопической акцентировкой невозможности идти по пути духовного трансцендирования самостийно, без Божией помощи – в рассказе А.П. Чехова «Пари» [18, с. 229–235]. За тридцать лет до ленинской формулы «...обогащать свою память знанием всех богатств...» Чехов провел здесь литературный эксперимент: что произойдет с человеком, если он действительно «...обогатит свою память...»?

Рассказ, впервые опубликованный в 1889 году под заглавием «Сказка», получивший название «Пари» после авторской переработки, по соотносительности с реальностью, пожалуй, действительно «сказка», то есть «выдумка», «небывалая и даже несбыточная история». Молодой юрист, по условиям спора на два миллиона согласившийся на одиночное «заключение» – замкнутое пребывание во флигеле своего оппонента, богатого банкира, освоив за пятнадцать лет секулярную книжную культуру и выйдя за ее пределы к Евангелию, покинул и физически флигель за считанные часы до срока. Банкиру, сохранившему свои деньги, осталась записка добровольного затворника: «Пятнадцать лет я внимательно изучал земную жизнь. <...> Ваши книги дали мне мудрость. Всё то, что веками создавала неутомимая человеческая мысль, сдавлено в моем черепе в небольшой ком. <...> Вы обезумели и идете не по той дороге. Ложь принимаете вы за правду и безобразие за красоту. <...> Я не хочу понимать вас. Чтоб показать вам на деле презрение к тому, чем живете вы, я

отказываюсь от двух миллионов, о которых я когда-то мечтал, как о рае, и которые теперь презираю» [Там же, с. 234–235]. Финал рассказа – открытый. Движимый чувством бесперспективности дальнейшего движения по проторенной предшествующей культурой секулярной дороге, прочитав Евангелие, герой просто уходит. Откуда? От / из социальности. Как бы «выпадает» из социального, а значит, из времени тоже. Куда? Неизвестно.

Два грубо-прямолинейных варианта домысливания сюжета, прочтения финала и суммарной жанровой оценки: 1) оптимистический (герой каким-то образом нашел в себе Христову любовь и, обновленный, вернулся к людям; рассказ – утопия); 2) пессимистический (бывший книжник – теперь некий «деклассированный элемент», как босяки-бродяги М. Горького, кичащиеся своей «свободой»; рассказ – антиутопия). В менее «лобовом» – «мелиоративном», «комплиментарном» по отношению к персонажу Чехова – жанровом прочтении, это литературная притча, аллегорически-обобщенно представляющая путь человечества в его книжной культуре как ведущий к итожащей попытке возвращения к Первоисточнику Жизни – Евангелию и Христу. В этом случае рассказ «Пари» следует отнести к той линии отечественной словесности, которая «основывается на ценностях религиозного сознания» [4, с. 147], маркируется термином *литература духовного реализма*.

Заключение

С позиций современности, пожалуй, можно утверждать: все рассмотренные произведения оказались по-своему профетическими, предвиденное / предреченное их авторами либо сбылось / сбывается, либо исторически-наглядно продемонстрировало свою несбыточность.

Романы Хаксли и Оруэлла (условный «британский» вариант возможного будущего) – «романы-предупреждения», их уже проявленная и все более отчетливо проявляющаяся социокультурная функция – «поставить диагноз», без просматривающихся вариантов избежать грядущей тоталитарной тирании «вверху» и расчеловечивания «внизу».

Условные «русские» варианты будущего: коммунистический проект, оптимистически-бодро отображенный в романе Ефремова, в исторической перспективе свою несбыточность продемонстрировал; рассказ Чехова, с его открытым финалом, ставит читателя перед необходимостью выбора – как, собственно, и предуказано человеку и человечеству от века, с подсказкой, заложенной в самом способе нашего летосчисления, которое постоянно напоминает об исходной дате нашего календаря.

Список литературы

1. Аминова А.Р. Трансцендирование как системообразующий элемент духовной деятельности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2006. 20 с.
2. Бибахин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 2015. 446 с.

3. Волков В. В. О фазовых переходах в лингвоконцептосфере (художественное, политическое и религиозное сознание) // *Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании: колл. монография*. Тверь, 2018. С. 72–88.
4. Волков В. В., Волкова Н. В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 147–157.
5. Головачева И. В. Фантастика и фантастическое: поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы. СПб.: Петрополис, 2014. 412 с.
6. Ефремов И. А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Молодая гвардия, 1989. Т. 5. Кн. 2. 462 с.
7. Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. 112 с.
8. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1981. Т. 41. 696 с.
10. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Самотрансценденция как отличительная черта героя метамодернистского произведения // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 146–156.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. 670 с.
12. Митина Н. Г. Миф, идеал, утопия. Проблема времени // *Гуманитарный вектор*. 2011. № 2 (26). С. 42–46.
13. О дивный новый мир: Английская антиутопия: сборник. М.: Прогресс, 1990. 640 с.
14. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2019. 256 с.
15. Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, 2019. 318 с.
16. Остапенко М. А. Образ совершенного человека в православной антропологии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / М. А. Остапенко; Ур. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002. 19 с.
17. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. 80 с.
18. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1985. Т. 7. 734 с.

LITERARY UTOPIA AND DYSTOPIA: THE PECULIARITIES OF GENRES, THE ASPECTS OF HERMENEUTIC RESEARCH

¹V. V. Volkov, ²N. V. Volkova

Tver State University

¹*the Department of Russian Language*

²*the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation.*

The purpose of the article is to clarify the genre characteristics of the British and the Russian dystopian fiction. The work is focused, on the one hand, on

the genre and theory analysis of utopias and, on the other hand, on the content and structure analysis of the main binary concept “Time: the Present and the Possible Future”, as well as related concepts. The key concepts are interpreted according to the procedures used in the philological hermeneutics. The distinctive features of the British and the Russian dystopias are revealed. The axiological essence of the “British” dystopia is stability and simplicity leading to stagnation within linear time. The “Russian” dystopia in Efremov’s novel is based on the ideas of communism impossible to implement. Chekhov’s short story “The Bet” is based on the traditions of “spiritual realism” and focuses the reader’s attention on the correlation of the secular and religious paths to the “perfect human being”.

Keywords: *theory of literature, genre, possible future, utopia, literary dystopia, parable, the concept “Time”, the fantastic.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

VOLKOVA Natalya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.